Димка

A.M. (Taller)

SHOUT
SHARE
IT

-
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14

Дуб – дерево. Роза – цветок. Олень – животное. Воробей – птица.

Россия – наше Отечество. Смерть неизбежна.

(П. Смирновский)

1

В Москве хорошо бывать в середине весны: когда цветет сирень, когда прилетают первые скворцы, когда уже практически растаял лед на Москве-реке. Тогда чувствуешь себя вольнее, открытее всем ветрам. Я люблю смотреть на ломающийся лед. Вот почернел бугорок, пошли мелкие царапинки и на пересечении ледовых глыб начинается тихий треск. В это время пахнет снегом и почками. Пахнет весной.

Сколько приезжаю в этот город и столько же он для меня такой, словно вижу его в первый раз. Эти крыши, эти дома, эти маленькие белые голубятни. Говорят, что голуби это души умерших людей. Не знаю, правда ли это. Мой любимый Александровский сад: помню, как мы с Юлей долго спорили, на какой же все-таки скамейке сидел кот-бегемот из «Мастера и Маргариты» Булгакова. Она смеялась так задорно и так весело, что я смеялся вместе с ней. Как давно это было. Она любила скакать на одной ноге и вечно теряла босоножку. А один раз даже сломала каблук, и мы ходили к сапожнику босиком. Она и я. Она — потому что сломался каблук, а я – за компанию. Тогда был июль. Конец июля. Люди смотрели на нас как на чудаков, но нам было все равно. Мы были счастливы.

Когда начинаешь писать новый рассказ – то путаются мысли. Нет сюжета, нет еще готовых зарисовок, нет даже персонажей – так называемых «героев» того или иного рассказа. Происходит маленький шум в голове, который приводит в действие картинки. Как в кино. Сейчас вспоминаю, как один мой хороший знакомый говорил, что главное – детали, детали, детали... «Они должны запомнить запах и шум того места, о котором ты напишешь. Форму цветка и цвет». Передо мной же просто буквы. Красные буквы на белых кнопочках японской клавиатуры. Спасибо товарищу Мао за Китай. Спасибо господину Гейтсу за Интернет. Эти маленькие кнопочки творят настоящие чудеса.

Шум растет. Я начинаю различать детали: в гостиной – кресло, красные занавески; окно, покрашенное белой эмалью. За окном — цветущая сирень и идет дождь. Он хлещет по ее ветвям, и они бьются в стекло с царапающимся звуком. Шорох детства. А еще я люблю смотреть на утреннее небо. Утром оно серое, молочное и тихое. Обычно оно такое в середине осени и ранней весной. У меня сложное отношение к осени, но весну я люблю. Воображению подвластно многое.

Ты заметил читатель, я пишу только о себе. Может быть это и эгоистично, но я мыслю в определенной системе координат, и

мне очень трудно свернуть на боковые варианты. Это похоже на дорогу, которая вьется по одному направлению; и пешеход не видит перекрестка. Автор всегда немножко эгоист: он любит говорить о том, о чем любит. Читатель либо принимает эту маленькую истину, либо просто закрывает книжку с ее незамысловатой историей и идет на прогулку... идет, например, в магазин, чтобы купить что-нибудь на ужин, или в местный кинотеатр, чтобы посмотреть фильм.

Когда я приехал в Москву был апрель, и было холодно. Холодный ветер дул в ноги сквозь туфли. Я вышел на Казанском вокзале со спортивной сумкой, в которой у меня лежали подарки для моих близких людей в Плотицино. Меня никто не ждал, я не отправил телеграммы, я просто приехал. Приехал наугад. Я даже не знал, живут ли мои родственники по старому адресу. Это было риском остаться одному по приезде среди незнакомых людей и неким безрассудством. В Москве же я совершенно не думал об этом. Меня встретило серое, дождливое небо и гвалт прохожих.

Москва оглушила гудками автомобилей, всем этим мельтешением красок, цветов, звуков и запахов. Я долго сидел в фойе Казанского вокзала: в этом самом белом помещении с пластиковыми стульчиками и высокими живыми пальмами в кадках. Я смотрел на людей и понимал: изменились они очень и очень здорово. Более беспокойные: все куда-то торопятся, все всем некогда. Сумасшедший муравейник, состоящий из рук, лиц, рук, ног, лиц и опять ног, и снова рук. Но мне нравится смотреть на людей. На то, как они одеты, как они разговаривают, как они роняют сумки, подхватывают с пола упавшую мелочь, толкаются и ходят в туалет за 15 рублей. Как звенят русские монетки в их протертых карманах.

Картинка № 1. Впереди меня стоит полненькая пожилая женщина с большими сумками, и в ее лице я вижу что-то знакомое, что-то щемящее и близкое. Откуда? Сам не знаю. Но так оно и есть. Она пересчитывает мятые сторублевые бумажки. Некрасиво слюнявит языком пальцы и облизывает губы. Картинка № 2. Вот поп просящий милостыню. Русские голубые глаза. Кроткие глаза, говорящие: «убей меня, и я тебе все прощу». Черная плешивая бородка с проседью в середине. Трясущиеся худые, непонятно чем расцарапанные, руки. Над верхней губой справа толстая жирная родинка. Он крестится, кому-то кланяется, и идет дальше – к метрополитену. Нужное дело – собирать деньги на храм. А может быть на водку, а может быть на хлеб. Кто его знает, зачем ему нужны деньги.

Я встаю и иду к метро на станцию «Комсомольская».

2

Красная площадь как всегда потрясает. Москвичу она кажется привычной. Но только не тому, кто живет в отрыве от Родины в течение почти более семи лет и приезжает на короткое время (как я теперь понимаю белоэмигрантов!), чтобы вспомнить главное. Приятно видеть, что красные советские звезды сменили на золотых двуглавых русских орлов. Только на самой большой башне с курантами все еще стоит большая пятиконечная звезда. Собор Василия Блаженного в 2004 году был на реставрации. Купола были затянуты зеленой сеткой. Александровский сад тоже закрыт. Можно видеть только деревья за его оградой. Накрапывал мелкий холодный дождик. Площадь почему-то загородили решетками по проходу к Мавзолею: последнему саркофагу коммунизма.

Я прохожу чуть дальше к триумфальной арке, мимо колонн, мимо этого забора с красной крошкой, и захожу в храм. Сбоку — сразу же – натыкаюсь на продажу икон. Особенно запомнилась одна ручной работы, вся в шелковой ткани с позолотой по краям и бумажными блестящими розами. Цена – 700 долларов. Иконы продают как сувениры. Но сам храм – это место, где можно поговорить с самим собой. Посмотреть в деревянные лики святых и спросить у них – «почему». Они, конечно же, не дадут ответа, но хотя бы посмотрят на тебя своими нарисованными грустными глазами; и станет чуточку легче. Можно поставить им свечки. Вдруг поможет. Сколько лет я не был в России? Семь, восемь? Так странно думать об этом. А свечки… свечки горят, плавится парафин. Блещет позолота: разъедает зрачки. Подходит какая-то монастырская старушка и тушит палочкой фитили свечек. Мне становится противно. Я ничего ей не говорю, я просто выхожу на улицу.

А на улице пошел ливень. Сильный ливень. В считанные секунды я промокаю с ног до головы. Приходится забежать опять под свод храма.

Странная штука — жизнь. Все очень и очень странно. Интересно, о чем думает человек, когда сходит с ума? А еще интереснее – о чем он думает, когда он уже сошел с ума? Может быть о том, что это не так? О том, что сойти с ума невозможно, а можно только внушить себе, что ты на самом деле не сумасшедший; просто придумал это, и сыграть все же роль сумасшедшего под гром невидимых аплодисментов своего двойника в зеркале. Дамы и господа – снимите шляпы. Витрина кривых зеркал разбита.

Есть такая исконно русская поговорка: «Чем больше знаю я людей, тем больше нравятся собаки». Какая точная, бьющая в цель, формулировка! В глазах многочисленных собак (гладкие и пушистые дворняжки с поджатыми хвостами) мне видится отражение добра и зла, которое бежевым светом отсвечивает от глазниц человеческого общества. В Германии в Дюссельдорфе у собак очень счастливые глаза. У наших – русских – как у попа на Казанском вокзале: «убей меня, и я тебе все прощу». В глазах людей же (других, не таких как тот поп, он все же еще верит во что-то) — я не вижу ничего. Только их страх. Простой первобытный доисторический страх перед смертью и наказанием.

Слишком много «почему». Но эти «почему» настигают тебя всю жизнь. Либо в квартире, либо на улице, либо в тюрьме. Они безжалостно одинаковы – эти «почему». Как однояйцовые близнецы в утробе матери. Личинки мыслей, копошащиеся в больном мозгу. Впрочем, это было маленькое отступление. Слова ни о чем. Просто слова. А теперь о главном.

Литература – это любовь к людям.

3

Небольшой кирпичный домик на два хозяина. Деревянное крыльцо с лестницей ведущей на чердак. Красный кирпич веранды; сам же дом из белых цементных блоков на высоком (в восемь ступеней) фундаменте. За деревянным зеленым забором россыпь желтых полевых цветков. Когда я приехал, Юля стояла на крыльце в сиреневом халатике. Она нисколько не изменилась. Те же глаза, те же губы. Тот же взгляд. За ее спиной стоял маленький мальчик.

Вот тебе картинка № 3: Мальчик смотрит из-за ее спины настороженно и моргает глазами.

— Тема. Это ты? – Юля говорит слова тихо-тихо. Она не верит своим глазам.

Я улыбаюсь и смотрю на нее. Кладу руку на калитку, снимаю веревочку и захожу во двор. Собака лает на меня, она меня тоже не узнает.

— Это, правда, ты? Тема…

Юля обнимает меня и плачет. Я чувствую, как под халатиком дрожит ее тоненькое худенькое тело. Она легкая как пушинка, моя Юлька.

— Тема… Темочка… Я думала ты никогда не приедешь… Я не ждала. Я не знала, Тема. Почему ты не прислал телеграмму? Глупый. Какой глупый…

Она целует меня в лицо. Целует мои глаза, мой нос, мои губы. Она вся дрожит и мне становится неловко. Ведь, действительно, мог же дать телеграмму. Я обнимаю ее покрепче и целую в лоб.

— Я хотел сделать тебе сюрприз. Да и времени не было… Ты уж извини…

— Какой ты глупый…

— Юль…

Мальчик стоит на крыльце. Он смотрит на меня настороженно. У него большие серые глаза. Он меня не знает. Но я приехал, я все-таки приехал. Теперь все будет по-другому. Мне хотелось тогда так думать. Очень хотелось. Но все произошло совсем иначе. Совсем не так, как должно было быть.

4

Я многого не понимаю. Очень многого. Наверное, проще стать скользкой улиткой и спрятаться в скорлупу. Но где гарантия, что тебя не раздавят сверху? Умение жить и умение вертеться: вот главное, составляющее человеческого тщеславия – его профиль и анфас. Пан или пропал. Русская или польская пословица? Ты заметил, я, оказывается, еще и много философствую. Но не бери в голову, я не философ. Это просто свободный поток мыслей. Они текут как ручей. Прохладный горный ручей в зеленой долине.

Ты помнишь свое детство? Я не очень. Но я совершенно отчетливо помню один эпизод: как мальчиком лежал на траве и смотрел в небо. Мне было лет девять или десять, и у меня на ладони ползла божья коровка: красная коровка, с большими черными точками на своих хрупких крылышках. И было щекотно от ее мохнатых хитиновых лапок. А небо было такое голубое-голубое. Божья коровка пахла травой и землей. Было такое ощущение, что с неба улыбается сам Бог. Этот запах земли с крылышек божьей коровки остался в моей памяти на всю жизнь.

Наверно, хорошо вернуться в детство. Хотя бы на один день. В глазах Димы, да и многих других мальчишек, я ищу себя. Это правда: я понял это. Я ищу себя в глазах мальчишек. Разных мальчишек: веселых и грустных, добрых и злых, смеющихся и плачущих. Я ищу себя. И иногда нахожу. И когда нахожу, у меня праздник. Тихий праздник души.

Так было со мной однажды в электричке «Москва-Тула». Почти пустой вагон. Сбоку – пьяные мужики (общее количество – шесть штук), играющие в карты. Чуть дальше по вагону – девчонка лет двадцати и пожилой мужчина. Прямо, напротив, через одно сидение — мальчик с бабушкой. Мальчик бегал по вагону от одного сидения к другому (ему явно было скучно) и украдкой посматривал на меня.

— Ваш? – спросил я у бабушки.

— Мой. Хотите забрать?

И уже обращаясь к мальчику:

— Вот отдам тебя сейчас дяде...

— Точно. Одолжите мне его на минутку.

Вот так вот просто. Бабушка продолжила читать книжку какой-то дамской писательницы, а я получил три часа общения с мальчиком. Павлик. А фамилия – толи Немертин, толи Невестин. Я не расслышал. Белая как снег голова. Бледное личико с конопушками на носу. Девять лет; но выглядел он на все шесть.

Всю дорогу, пока мы ехали с ним, он болтал мне про Шрека (я тогда еще не видел этот мультфильм и спутал его с Рождеством Гринча, в котором играл Джим Керри). Павлику понравилось, что я его слушаю не перебивая. Ему понравилось, что на него обратили внимание. Он говорил, говорил, говорил... И в нем я вспомнил себя. Маленьким мальчиком я тоже охотно общался с взрослыми.

Всего три часа, после чего мы с ним расстались навсегда. Я его больше никогда не видел и не увижу. Но этот маленький эпизод счастья... Мне не нужно было что-то придумывать, как-то выставлять себя напоказ, я был самим собой в тот момент рядом с ним. Когда он и его бабушка выходили на станции перед Тулой, я помог одеть ему желтую курточку, и он долго махал мне рукой в окошко вагона с платформы, когда электричка отъезжала. Я подарил ему один доллар бумажкой и крымский камешек. Он же подарил мне юбилейную десятирублевую монетку с солдатом. Маленькие сувениры нашей короткой дружбы.

Павлик. Я помню тебя. И никогда не забуду. Мы всегда себя ищем в глазах других. Всегда.

5

Мне хочется описать Плотицино в Никольском-Вяземском. Это небольшая деревушка, бывшее родовое имение Толстых. В этой деревне стоит большой двухэтажный бревенчатый дом, покрытый белым железом на крыше и сплошь увитый диким виноградником. В этом доме родился Лев Николаевич Толстой. Здесь прошло его детство. Чуть дальше к речке стоит знаменитый дуб Пьера Безухова из «Войны и Мира». Он очень большой. Вокруг яблоневые сады: много порхающих стрекоз и черных (лично мне неизвестных – я никогда таких не видел) бабочек. Земля рыхлая и сырая, постоянно холодно и можно довольно быстро подхватить насморк. Вокруг этого «особняка» – и есть Плотицино – пятнадцать или двадцать домов. За домами – лес. Из деревьев – дубы и березы. И только по одной аллее (исключая сам сад), ведущей на автобусную остановку, вдоль церкви и школы, стоят яблони. За низиной течет речка Чернь (понятия не имею, кто ее так назвал). Это очень чистая речка.

Ты доволен этой картинкой? Я – вполне. Пишу так, как пишется. Мне самому интересно смотреть на то, как из простых букв русского алфавита складываются слова, из слов предложения, из предложений – речь. Довольно забавная это штука – сидеть сгорбившимся сиднем и писать, писать, писать... Порой представишь себя такого со стороны (голубая рубашка нараспашку, фланелевые штаны, босые ноги, на столе – бутылочка с фруктовым молоком) и становится смешно до колик в животе.

Мы с Димой идем разросшимся садом. Лицо задевают маленькие листья яблонь, отчего на плечи падают зеленые гусеницы. Солнце светит нам в спины, и впереди мы видим свои тени. Одна – длинная: это моя, другая – его, она меньше и почему-то шире. Дима бежит вперед, выставив в стороны руки. Я смотрю, как ветер раздувает его клетчатую рубашку. Он бежит, зажмурив глаза и почему-то открыв рот. А вечером мы будем замазывать его коленки йодом. Он бежит быстро-быстро и не знает, что за поворотом случайно споткнется об корневище старого дуба, торчащее из земли. Будут слезы. Сладкие детские слезы.

Когда он плачет, его глаза становятся как бы светлее. Радужная оболочка омывается слезой, и они становятся ярче. Они у него серые, как небо утром. Дима поджимает губы, слегка морщит лоб, и вдруг становится некрасивым. Но это всего лишь мгновение (слава богу, оно быстро проходит): вот я сажу его к

себе на колени и обнимаю крепко-крепко. Я чувствую, как он, всхлипывая, горячо дышит мне в шею. Так дышат щенята. И еще так дышал он — мой мальчик.

6

Светит солнце. Обед, очень жарко, даже душно. Мы сидим с Димой на крыльце дома Толстых. Дикие заросли виноградника спускаются с крыши по перилам, отчего ничего не видно. Сбоку справа стоит памятник и клумба – грядка для цветов, окруженная низеньким металлическим заборчиком белого цвета. Виноградник словно укрывает нас от посторонних глаз. Черные маленькие бабочки порхают по чуть поспевшим виноградинкам. Шумят яблони. У Димки такие же глаза, как у Юльки. Серые глаза с красивой крапчатой пленкой. Большие пушистые ресницы. Век бы в них смотреть.

— Почему ты так на меня смотришь? – его вопрос застает меня врасплох.

— Как так?

— Так. — Он наклоняет голову чуть вбок.

— Ты меня убиваешь... – Я тяну руку, чтобы погладить его по вихрастой голове.

— Не надо, — он выворачивается из-под руки. – Не надо так говорить…

Только пальцы помнят волосы. Только пальцы: шелк волос, прохладный шелк...

— Почему?

— Потому. – Он смотрит на меня очень серьезно. – Я хороший.

Он замолкает, отворачивается от меня и пальцем начинает ковырять хлястик своей сандалии. Я смотрю на то, как он ковыряет. Смотрю на его большие шероховатые пальцы, потом на его тонкую шею, и непонятная волна нарастает в моей душе, в моем сердце. Я просто протягиваю руку к нему, и притягиваю его к себе. Он молчит. Не отстраняется. Но молчит.

— Мы друзья, Димка. Я тоже хороший. Я тебя никогда не обижу. Никогда...

Ночью в яблоневом саду очень много светлячков. Как маленькие огоньки горящих сигарет: они мельтешат, мигают; в воздухе легкий стрекот их крылышек, тихое журчание и неповторимый запах насекомых. В последний раз я видел светлячков, когда мне было восемь лет в одном чеченском селе. Там была девочка – Хеди. Это было так давно, что я совсем забыл о том, что есть такие насекомые – светлячки.

— А почему светлячки светятся? – Дима садится возле меня и гладит на руке светлячка. Тот поджимает лапки и притворяется мертвым.

— Не знаю. Какой то химический состав в нем. Говорят, что самцы привлекают таким образом самок.

— А что такое «химический»?

— Ну, это свойство молекул и атомов входить в различные соединения, так называемые цепные реакции...

— Артем...

— Что?

— Я все равно нифига не понимаю...

— Да... Ну, в школу пойдешь – поймешь.

— А почему ты так всегда говоришь – «Да»?

— Так, не задавай вопросов, почемучка!

— Сам такой.

— Не замерз?

— Не-а.

Прижимаю его к себе и укутываю курткой. Нет ничего лучше, чем сидеть с прижавшимся к тебе мальчиком на террасе ночью, когда на небе звезды и светлячки. Луна кажется обмазанной сметаной из-за лампы над крышей. Слегка мерцают звезды, особенно те, которые самые маленькие.

— Артем...

— А?

— А у тебя сердце бьется так – тук — тук...

— Оно у всех бьется. А ты вот сильно дышишь...

— Да?

— Да.

Дима обнимает меня и зарывается лицом мне в рубашку. Так мы с ним и сидим. Сейчас, когда я пишу эти строчки, какая-то непонятная грусть лезет мне в душу. Может я слишком сентиментальный? Да здравствует сентиментальная проза! Кто знает, кто знает... Воспоминания порой приходят так нежданно и так явно: видишь картинку и переживаешь все по-новому. Это бывает обычно ночью перед сном, когда ляжешь на кровать и думаешь, думаешь... думаешь о своих родных, о тех, кого видел, кого помнишь. Иногда думаешь о своей собаке, которая умерла давным-давно. И все это – человеческое – до боли, до непонятных спазмов в горле... У меня давным-давно был рыжий пес, и как-то он пропал. И потом долго мне снился. Как старый добрый друг... Вот об этом и думаешь. Или бывает, вспоминаешь случай в школе на девятое мая, когда забыл строчку из стихотворения, и готов провалиться сквозь землю под взгляды ветеранов Великой Отечественной. Всякая чепуха на ночь. Так... Я не о том... Совсем не о том...

7

Мы купаемся с Димой в речке Чернь. Солнце сияет на воде. Сияет так, что больно смотреть: колет и бьет в глаза. Дима хорошо плавает, но далеко заплывать боится. Он выныривает, и куча брызг фонтаном взвивается вверх, вслед за его появлением над водой. Речка не очень глубокая, но есть впадины – ямы. Я так и не узнал, почему так называется эта длинная деревенская речушка с затоном вокруг берез. Совсем не то название. Но сельчане говорят, что всегда тут плавали крестьяне. Мальчишки купали лошадей, бабы стирали одежду. Может быть оттого. Она холодная, эта речка, когда заходишь в воду; но тело потихоньку согревается, и вот ты уже плывешь, впитывая в себя прохладу природы, ее маленькие эфирные молекулы.

— Димка! Далеко не заплывай!

— Хорошо!

Приятно перевернуться на спину, и чуть шевеля руками и ногами, остановить плавание, повиснуть в невесомости на водной глади. В такие моменты все: гиканье кукушки, шелест листвы, журчание воды; все это наполняет энергией жизни. Я смотрю, как плавает Дима: он фыркает; то теряется головой в воде, то переворачивается всем телом; вертящийся снаряд, победоносная торпеда. Плыву к нему и хватаю его за ноги. Он брызгается и хохочет. Потом взбирается ногами мне на плечи и прыгает с меня как с трамплина. Бух. Очередные брызги.

Шумят березы и яблони.

Вот такой он — Дима. Я не видел его уже три года. Сейчас ему десять лет. И я понятия не имею, когда снова его увижу.

8

Интересно о чем может написать психиатр (какой-нибудь новоявленный Зигмунд Фрейд), просмотрев маленькую историю моего детства (может ему достаточно выявить общее направление мысли): этого пурпурного двойника будущего, которое стало сейчас настоящим и связано со мной своим вселенским энергетическим началом. Прообразы прошлого переходят в образы настоящего. Покопайся, покопайся в моей душе. Может быть, найдешь что-нибудь и для себя.

Мое детство в корне отличалось от детства Димы; но и есть общее, как тоненькие нити кармы за проступки предков; искупление вины прародителей. Мы оба родились в деревне. Он в русской, а я – социалистической, советской. У нас у обоих не было отцов в полном понимании этого слова. Мой отец – алкоголик и инфантильный идиот, вечно пьющий, вечно ползающий на четвереньках; с недержанием мочи, и вдобавок ко всему — поклонник группы «The Beatles». Димин же – толстый блядун, бабник, строгающий детей на всевозможных дорогах необъятной нашей Родины. Сейчас у него уже трое детей от первого брака, двое приемных от второго, и на подходе еще один. Не удивлюсь, если и на этом он не остановится. Слишком плодовит.

Эта общность нашей судьбы: нет отца, мы оба красивы, и мы – родственники – сблизила нас окончательно. Не знаю и не могу думать о том, как Дима сейчас без меня. Мне то проще: я старше и, следовательно, сдержаннее в чувствах. Тетя Оля писала, что Дима в первое время после моего отъезда, где-то месяца полтора, не мог заснуть. Ему снились толи кошмары, толи еще что-то. Он просыпался посреди ночи весь в слезах и звал меня. А наутро спрашивал у Юли, когда же я приеду. Единство души – или детская привязанность к старшему: отцу, дяде, наставнику – вот основное, составляющее этого чувства – я так думаю. А может быть любовь? Просто любовь. Бог есть Любовь.

Психиатры всегда любят копаться в человеческой душе: выносить особые непонятные лично для них случаи на всеобщее обсуждение. Ты оказываешься чем-то вроде подопытного кролика, крутящегося на эксперименте в пластиковой коробочке с формалином. Виной тому то, да се – так рассуждают психиатры. У меня есть друг психиатр, но что он знает? Что он понимает в моей запутавшейся душе, в моих чувствах и мыслях, которые сплошной комок нервов? Скорее всего, он выпишет мне направление в психиатрическую больницу или отвезет меня в

сауну к самым лучшим проституткам. Но что толку? Мое отношение к людям и миру остается со мной, несмотря ни на что. Кто-то написал: «Я люблю мальчишек, и я счастлив, что люблю их». Ни единой нотки фальши. Вот, правда.

9

Ванна сделана просто: отопительный котел, который нагревает воду, стоит на кухне. С него горячая вода подается по шлангу в кран, (не забудь во время зажечь газ), ну а газ – газ приходится покупать в баллонах. Сама ванна старенькая, где-то снизу должно быть написано: «Сделано в СССР». Эмаль в царапинах и железная пробка.

Дима был очень удивлен, когда увидел в ванне мыльные пузыри. Я привез с собой шампунь. Семь лет и никогда не видел мыльных пузырей. Даже голову (признался мне после мытья) все время мыл только хозяйственным мылом. Перекатная голь, все съедающая нищета.

— Пузырьки... Как в баночке...

— Какой баночке?

— Когда дуешь в палочку, пузырьки...

— Нравится?

— Да.

Губка впитывает душистое мыло до пены. И вот я намыливаю Димку. Ему приятно: теплая вода с мыльной пеной; он даже покрывается пупырчатыми мурашками от удовольствия (я пустил горячую воду тоненькой струей). У детей очень нежная кожа: мягкая и гладкая. Губка нежно скользит по его телу. Тонкие струйки воды стекают по животу. Маленький смешной мальчик с большими серыми глазами. Боже, как же я его люблю, прости мне мою любовь. Чуть торчащие лопатки, худенькая, точеная фигурка. Стройные ноги, на которых чуть заметный пушок.

— Артем...

— А?

— Ты с нами останешься?

Я молчу. Молчит молчун, нечего сказать молчуну. Я знаю, что в сентябре мне уезжать: потому что работа, потому что много дел и друзей, оставленных по другую сторону границы. Потому что очень много «потому». Но как сказать об этом маленькому мальчику?

— Пока нет. Пока не уезжаю...

— Останься.

— Дима, положи голову...

Я кладу его на спину и намыливаю ему волосы: так, чтобы шампунь не попал в глаза. Он лежит недоверчиво, зажмурившись, и боится, что я отпущу руку. Тихий плеск воды из-под крана, запах шампуня и детского тела. Он такой красивый с закрытыми глазами, весь в мыльной пене, чуть дрожащий от моих

прикосновений. В такие моменты сердце бьется очень быстро и в ушах начинает звенеть.

10

Нам не нужно говорить, чтобы чувствовать друг друга. Это происходит само собой. Может быть, так устроен мир, что есть совместимое что-то. Объединяющее. Объединяющее до такой степени, что человек становится родным. Твоей плотью и кровью. И немыслимо, как же дальше... и стараешься не думать о том, что будет в этом самом «дальше».

— Артем. Ты меня любишь?

Он останавливается и смотрит на меня непонятным взглядом. Я смотрю на него. Он настойчив. Он ждет ответа.

— Люблю – Я пытаюсь ему улыбнуться. В голове тысячи кусочков разлетаются в разные стороны.

— Я тебя тоже. – Он шепчет очень тихо. Мне чуть слышно. Ветер шумит гораздо громче. Куда как громче.

11

Утром. За окном солнце разрывает лучами тьму. Серый воздух и холодно. Пахнет землей и клубникой. Тетя Оля видимо постирала белье: на черной веревке качается простыня.

Дима лежит на соседней кровати без трусов. Я не пойму, кто снял с него трусы. Наверное, Юля или тетя Оля. Под Димой постелена оранжевая клеенка. Он лежит без трусов на холодной клеенке. Встаю с кровати и беру его на руки. Перетаскиваю в свою постель, под теплое одеяло. Он спит крепко, только чуть изменилось дыхание.

Выхожу на кухню. Тетя Оля принесла парное молоко и пьет чай.

— Теть Оль. Почему Димка без трусов?

— Что?

— Почему он без трусов?

— Тема. Он ночью писает в постель. На него трусов не напасешься.

— Но зачем одеяло убирать? Он же замерз. Ночью же холодно!

— Тем, ты не с той ноги встал?

— Теть Оль. Дети могут писаться и от холода. И будить ночью не стоит. Пусть спит. Вы что совсем с ума посходили?

— Ну да. Ты же у нас самый умный.

— Если такое еще повторится, я его заберу с собой.

— Ну-ну-ну, так тебе Юлька его и отдаст.

Я молчу. Я знаю. Юля не отдаст. Никогда. Это ее мальчик, ее ребенок. Не мой, Дима ее. Она ради него будет даже жить с тетей Олей. Лишь бы было молоко и мясо. Она все стерпит. Терпеливая Юлька. Но со мной она не будет никогда. Никогда.

— А где Юля?

— Еще не приходила с ночного.

— Я куплю вам новое одеяло и новые простыни. Десять штук. Сегодня же поеду в центр и куплю. Может вам еще и памперсы купить, чтобы вы его не будили по ночам?

— Ты чего Тема? У меня, что простынь нет? Ты за кого меня держишь!

— Не кричи теть Оль. Димку разбудишь. Я сказал, что куплю, значит куплю. И книжку заодно про энурез.

Я наливаю себе молока в кружку. Рыжий котенок на подоконнике смотрит мне в глаза. Молоко холодное, просто ледяное. Зубы начинают болеть.

— А ты как, в России собираешься оставаться?

— Хотелось бы. Но не от меня зависит.

— Ты бы побыстрее. Кто его знает, что там у вас еще будет. Кстати, Генка звонил недавно.

— Чего хотел?

— Да что-то вы там с ним договорились. Он тебя вчера целый день ждал.

— А, ну да. Совсем забыл, теть Оль.

— Ты это… Тема… На меня не обижайся.

— Да я не обижаюсь теть Оль.

Я возвращаюсь к Диме. Он спит, поджав кулачок под щеку. Ложусь рядом с ним. Смотрю на часы: 05:18. Еще можно поспать три часа. Обнимаю его рукой. Его писюнчик холодный как лед. И такие же холодные ноги. Он открывает глаза от моих прикосновений.

— Артем?

— Да. Это я. Спи. Совсем замерз.

— Я описался?

— Да.

Он закрывает глаза. Обхватывает пальцами мою руку. Я смотрю на него. Смотрю на его подбородок, на его закрытые глаза, на его тонкие губы. Прижимаю его к себе покрепче и спустя несколько минут засыпаю. Со мной ему будет теплее. Теперь мы будем спать вместе.

12

За что я люблю Россию: такая большая страна и такая темная. Столько православных церквей. В одной только Туле, на одной только ее улице (кажется Советская), длиной несколько кварталов, я насчитал три церкви. А как звонят колокола: сначала обязательно самый большой. Он разрывает воздух, и потом, следом за ним, россыпь тонких трелей – колокола поменьше. Гул времени.

Мы заходим с Юлей в Церковь двенадцати Апостолов. Церковь белая с деревянными дверями. В стене справа стоит серый ангел, сложивший руки с венком на животе. Слева какие-то могилки. Видимо при церкви. Расписной потолок. Я ищу икону Святого Пантелеймона. Прохожу через арку в другой зал: там стоят люди, много людей спиной ко мне. Я не вижу, на что они смотрят. Прохожу по направлению к ним.

— Покойник. Не к добру. – Юлька появляется за спиной.

— Где?

И тут замечаю гроб. Сухое лицо старичка в черном пиджаке, с крестом в руках. Руки крест на крест. Мне интересно на него посмотреть. Трупные пятна проступили на висках – синие чернила.

— Тема. Не ходи туда. Пойдем…

Юля тянет меня за рукав. Мы отходим в другой зал. В итоге я ставлю свечку иконе Божьей Матери. Молюсь так, как умею. Особый разговор с Богом. Особые отношения. Юля почему-то начинает плакать.

Когда мы выходим на крыльцо, я у нее спрашиваю:

— А разве так можно? Чтобы и посетители и труп?

— Ну, отпевает батюшка наверно. Это мы не вовремя.

Выходим во двор. Садимся на зеленые скамейки. Я смотрю на купола.

— Не к добру это Тема, не к добру… В церкви покойника встретить…

— Да брось ты Юль. Подумаешь. Все у тебя нормально будет. Знаешь, я хочу Димке пенал купить и карандаши, и альбом, и портфель. Позволишь?

— Конечно. — Она смотрит на меня. Она улыбается. И гладит меня по голове.

— Сегодня заеду в магазин. Знаешь, какой ему цвет нравится?

— Нет. Какой?

— Синий. Вообще все синего оттенка. Я заметил. Когда мы

машинку покупали в киоске у дядь Федора – он синюю выбрал. И кот у него на картинке синий. Когда рисовал, то нарисовал синего кота. Куплю ему синий пенал. Как думаешь, ему понравится, если взять тряпочный пенал с замочком? Продаются такие, итальянские пеналы. Там два отделения: один для ручек, а другой для карандашей и ластика.

— А я не знала… Точно синий?

— Точно.

— Тем, ты удивительный человек. Замечаешь такие вещи, на которые никто бы никогда не обратил внимания. Как тебе это удается?

— Не знаю. Просто я такой. Кстати забыл… Точилку для карандашей тоже надо купить…

Она о чем задумывается. Потом смотрит мне прямо в глаза.

— Скажи, я плохая мать? Да? Я плохая мать? Вот прямо скажи мне! В глаза!

— Юль… Ты хорошая… ты хорошая мама…

— Нет, я знаю, что я плохая. Димка вот, он же все понимает. Понимаешь, все! Все, что происходит! Только не говорит. Он никогда не скажет…

— Юль, брось ты. Он просто ребенок. Просто маленький мальчик. И он знает, как ты его любишь…

Юля молчит и смотрит на голубей. Они ходят возле лавочки и клюют хлебные крошки. Опять звонят колокола. Покойника выносят из церкви ногами вперед. За оградой стоит автобус. Юля морщит лоб. Один из носильщиков спотыкается и поправляет гроб…

Но время летит. И все проходит. Абсолютно все. Самое смешное в том, что и это пройдет.

13

А потом был август. Жаркий август с комарами и лягушками на полях. Все холоднее к вечеру начинал дуть ветер. Листья кружились по земле и мокли в накрапывающем дожде. И собака выла по ночам. Юле дали двухнедельный отпуск на обследование. Мы ездили с ней в Москву. Врачи нашли раковую опухоль в матке. И белые стены палаты с дрожащим тусклым светом шарообразных ламп навалились как камни. Стало бессмысленно все.

В августе мы ходили с ней в парк. Она, я и Дима. Она шутила, она еще шутила. Мы покупали воздушные шары и мороженое. Дима любил есть клубничное, а она шоколадное. Потом мы катались на роликовых коньках по площадке, где слева две советских пушки. Дима тогда в первый раз встал на ролики. И разбил коленку. Опять слезы как в Плотицино, опять это жаркое дыхание мне в шею. Листик подорожника на его коленке прилепленный Юлиной слюной.

— Тема. Пообещай мне...

— Что?

— Что ты не оставишь Диму.

— Юля я не могу тебе этого обещать...

— Ты нас совсем не любишь.

— Это неправда.

Это неправда. Я люблю их. Но что я могу? Простые сухие слова. Ничего не пишется... (копайся, копайся невидимый Фрейд в моей душе) ничего не пишется...

— Тогда что тебе мешает просто сказать мне, что ты обещаешь?

— А как же Володя? Ты о нем помнишь? Он же не отказался от родительских прав.

— Просто пообещай.

— Хорошо.

Дима смотрит мне прямо в глаза. У него развязались шнурки на кроссовках, и я завязываю их. Его теплая ладошка на моей шее. Он смотрит на меня сверху вниз.

— Артем.

— Что Дим?

— А почему мама плачет?

— Потому что любит тебя.

— А что, когда любят, то плачут?

— Да.

Мой ласковый котенок, прости меня за все. За то, что сейчас

на моем календаре 16 мая 2007 года, и что я за эти четыре года не написал тебе ни одной строчки. Юль, и ты меня тоже прости. За все.

Я уехал с Плотицино 23 августа 2004 года. Мы с Юлей проснулись в тот день очень рано. Сидели на кухне, и пили чай. Диму мы не стали будить. Я зашел в комнату и тихонько, чтобы не разбудить, поцеловал его в голову.

Потом мы с Юлей поехали в Москву. Долго ходили по Александровскому саду. Заезжали на площадь Маяковского. Сидели в кафе и ели пиццу. Болтали о разном. Она говорила, что все будет в порядке, что с такой болезнью живут по несколько лет; что она сразу же пришлет мне телеграмму, если вдруг ей станет плохо. Снова спорили о скамейке кота-бегемота. Много смеялись. Юля зачем-то собирала желтые и красные листья и уже в самом конце, когда отъезжал поезд, сунула мне их в окно.

В марте 2005 года тетя Оля прислала мне телеграмму. Всего две строчки: «юля умерла».

14

Поезда всегда едут вдаль. Стучат колеса по рельсам, гулко стучат, с перекатами. Изредка за окном купе проносятся деревья: казахские карагачи, тополя; далее – степь: широкая с солончаками и перекати-полем. Два дня тянется эта степь. С желтым своим лицом, с орлами, высоко кружащими над землей. То спрячется, то вынырнет солнце и ослепит стеклянным своим отражением в тамбуре...

30 апреля 2007 – 16 мая 2007

Алматы

Taller